

Александр Ф. Каменецкий

ЛУЧ СОЛНЦА ЗОЛОТОГО

Солнечный круг

Александр Каменецкий

Луч солнца золотого

«Автор»

2012

Каменецкий А. Ф.

Луч солнца золотого / А. Ф. Каменецкий — «Автор»,
2012 — (Солнечный круг)

Жизнь Виталика Ковальчука по прозвищу Чук трагически изменилась, когда он был ещё совсем мал. С тех самых пор Чук не верит никому, сторонится людей и предпочитает в одиночестве прятаться в пыльном подвале соседнего дома. Но как-то вечером, когда последний луч заходящего солнца проникает в крошечное подвальное окошко, перед Чуком неожиданно из пустоты появляется незнакомый мальчишка. Это небывалое, невероятное событие меняет тихую нелюдимую жизнь Виталика и втягивает его в опасные приключения. Но что, если это совсем не случайность? Что, если цепочка событий началась в далёком прошлом... или будущем? Но пока Чук даже не подозревает, что от его решений и действий зависят судьбы миров.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Каменецкий

Луч солнца золотого

*Ночь пройдёт, настанет утро ясное,
Верю, счастье нас с тобой ждёт.
Ночь пройдёт, пройдёт пора ненастная,
Солнце взойдёт... Солнце взойдёт.
Ю. Энтин*

Глава 1

Чук с силой толкнул тяжёлую обитую железом дверь. Дверь заняла ржавыми погнутыми петлями, заскребла провисшим углом по бетонному полу и застряла. Из приоткрывшейся щели выскочило чёрное чудище, бросилось под ноги Чуку и, хлестнув хвостом, скрылось в темноте. У Чука дух захватило, он замер на пороге с вытянутой вперёд рукой: «Уф! Напугал!». И сразу успокоился, узнал кота соседки бабы Мани из сорок третьей квартиры. Соседский кот Яшка, существо вполне мирное, часто делил этот подвал с Чуком, сидя тихонько в углу, намытая лапой усатую морду и посверкивая жёлтыми глазами. Но сегодня и он был против Чука. Сегодня всё было против Чука. Хуже дня в жизни он не мог припомнить, ну разве только тот, когда Чук узнал, что мама больше никогда не придёт.

Чук вздохнул, втянул живот и протиснулся в приоткрывшуюся дверь не хуже кота Яшки, едва лишь чуть медленнее. Он оказался в маленькой комнатухе, освещаемой только через узкое подвальное окошко, скорее, просто дыру размером в полкирпича. В луче света мельтешили многочисленные неугомонные пылинки. Чук сел почти под самым лучом на перевёрнутый старый ящик из-под помидоров, упёр локти в колени, а голову положил на подставленные ладони. Замер, рассматривая беспрерывную круговерть в источающемся лучике солнца. Вот так и будет сидеть. А что ещё делать? Куда идти? Как показаться на улице после сегодняшнего позора? Чук снова всё вспомнил, и щеки, и уши его налились жаром.

А случилось всё так... Только Чук закончил делать домашнее задание, с радостным ожиданием побросал тетрадки и учебники в потёртую школьную сумку и выбежал на улицу, как увидел отца. Тот шёл покачиваясь, с трудом переставляя ноги, нескладно размахивая руками, глядя затуманенными глазами по сторонам. Он что-то бормотал себе под нос, мотал головой и медленно, со скоростью хромой черепахи, приближался к подъезду. Радостное настроение Чука растаяло, словно снежинка над жарким костром, он даже плюнул с досады: «Опять пьяный!» Надежды погонять мяч с пацанами, пока осенние дожди не размыли окончательно футбольную площадку возле школы, сменились привычной тоской и обидой. Отец остановился посреди двора и стал не спеша поворачиваться, силясь обойти лужу – наследницу вчерашнего ливня. Впрочем, ботинки и брюки на отце явно свидетельствовали о том, что лужи уже встречались на его пути и сражение с ними закончилось явно не в пользу человека.

Однако проиграть сражение – не значит проиграть войну. Отец не сдавался. Медленно-медленно развернувшись, нетвёрдым шагом он двинулся по краю лужи, высоко, неловко поднимая ноги, перешагивая через грязь. У него почти получилось. Почти. И всё же он проиграл и эту битву, и этот проигрыш стал полным и безоговорочным поражением в войне с лужами и земным притяжением. Да ещё каким! Неловко шагнув, отец Чука наступил на собственную штанину и на глазах любопытствующих соседей плюхнулся в лужу. Да это было бы полбеда, не впервой. Беда в том, что наступил на штанину он довольно крепко, и пуговица на поясе не выдержала, отлетела, брюки сползли, оголив то, что приличные люди при всех не показывают.

Чук с обречённой ясностью вспомнил, как отец слабо шевелился в грязи, сверкая голым задом на виду у всего двора. Чук замер от неожиданности, растерялся. Конечно, пока заохали бабушки, сидевшие на лавочке, к отцу тут же подоспел сосед Марк Семёныч из тринадцатой квартиры, как раз вышедший на прогулку со своей болонкой Ньюшей. Сосед быстро помог отцу подняться, дёрнув его за пояс брюк и прикрыв наготу, вопреки вздорной Ньюше, которая, обляяв пьяного, вцепилась в грязную штанину и с остервенением дёрнула её вниз. Инцидент, казалось, был исчерпан, но Чук знал, он будет ещё долго темой обсуждения среди местных пенсионеров – завсегдатаев лавочек возле дома. Впрочем, мнение любопытных, любящих посплетничать местных бабушек, Чука заботило не слишком сильно, можно сказать, совсем не заботило. Но, к ужасу Чука, они были не единственными свидетелями этого необычного

события. На лавочке возле старой железной погнутой и скрипучей качели сидели три одно-классницы Чука: Светка Белова, Анька Ройтман и, главное, Юлька Лебедева. Позорное падение случилось к ним гораздо ближе, чем к самому Чуку, и теперь, девчонки стыдливо отворачиваясь, но поминутно оглядываясь, шептались и хихикали, прикрывая рот ладонью.

Чук с кристальной ясностью осознал: «завтра весь класс, да что там класс, вся школа будет знать об этом конфузе во всех непотребных подробностях». Он вдруг представил, что это он оказался без штанов перед всем классом. Чука даже в жар бросило, и он юркнул в кусты и припустил вдоль дома. Он не беспокоился. Марк Семёныч теперь отца не бросит и до дому доставит, никуда не денется. А Чук отца видеть не хотел. Он не хотел видеть никого. Одна мысль была: спрятаться ото всех подальше, а ещё лучше уехать туда, где его никто не знает. Уехал бы не задумываясь, представься такой случай. Но исчезнуть навсегда не так-то просто. А пока Чук затаился там, где скрывался уже не раз, в дальней тёмной комнатке в подвале соседней пятиэтажки.

Глава 2

Чук сидел на старом ящике в тёмном пыльном подвале с крошечным окошком. Узкий луч заходящего солнца, проскользнув сквозь оконце, пронзал темноту световым копьём прямо над головой Чука. Луч понемногу таял, истончался, и глядя на умирающий свет, Чук с горечью думал о своей нескладной жизни. Если жизнь начиналась так плохо, чего хорошего можно ждать от неё дальше, может, ему суждено только страдать? А судьба и в самом деле за тридцать лет жизни принесла ему немало горя, испытаний и неприятностей.

Впрочем, начиналось всё хорошо. Слишком хорошо. У них была счастливая дружная семья: отец – отличный автомеханик неплохо зарабатывал, вокруг него всегда крутились соседи-автолюбители. По выходным они всей семьёй часто ездили на собственной машине гулять по лесу или ходили купаться на речку. Мама работала учителем в школе, куда Чук... нет, тогда ещё Виталик Ковальчук пошёл в первый класс. Учиться Виталику нравилось, как много кругом было нового и интересного, жизнь была прекрасна, и тогда казалось – так будет всегда. Теперь-то Чук понимал, каким он был наивным и доверчивым. Той осенью на одной из прогулок мама поделилась с ним большим секретом. Сказала, что скоро у него будет маленький братик, и они заживут ещё лучше. Первоклассник Виталик заволновался, забеспокоился, стал выяснять, выпрашивать, а мама рассмеялась и успокоила его. Она пообещала, что всё будет хорошо, она скоро уедет в больницу, а вернётся уже с малышом, а ведь мама никогда не обманывает. Не обманывала. Из больницы не вернулась ни мама, ни малыш, и Виталик не сразу поверил, не хотел верить, что это уже навсегда. И пусть в этом обмане мама была не виновата, от этого было ничуть не легче, и Виталик перестал верить словам.

Потом были похороны, покрытое снегом городское кладбище, страшное карканье рассевшихся на голых тощих берёзах противных ворон. Были долгие ненужные слова о том, каким замечательным человеком и учителем была Татьяна Васильевна Ковальчук. Зачем они это говорили? Кому? Никто лучше Виталика не знал, какая она была. Он их не слушал. Он плакал, уткнувшись носом в полу отцовской куртки, а тот гладил его макушку дрожащими пальцами. Придавленный своим горем Виталик не замечал, как переживал отец, как он изменился, стал мрачным. Он привык, что мама с папой решают все проблемы. Теперь мамы не стало, а значит, папа такой умелый и сильный, безусловно, решит все проблемы за двоих. Как Чук ошибался.

Недели через две после похорон, отец с шумом ввалился домой и упал прямо в коридоре. Виталик тихо сидел в своей комнате и ничего не делал, уныло разглядывал воздушные танцы снежинок за окном. Дневник, тетради и учебники, принесённые сегодня из школы, оставались в портфеле, и надежды увидеть свет им не было никакой. Виталик уже неделю не брал их в руки. Он ел, пил, спал, ходил в школу, даже пытался читать какую-то книжку, но не прикасался к школьным учебникам. Зачем?! В школе все учителя смотрели на него с жалостью, ничего не спрашивали, только вздыхали, отец тоже словно забыл о школе. К чему делать уроки, если это никому не нужно, если нельзя порадовать маму хорошей отметкой.

Услышав шум в коридоре, Виталик выбежал из комнаты. Отец лежал на полу и не шевелился. Виталик в ужасе закрыл глаза руками и заревел, ему стало страшно: «Если он тоже умер, значит, я остался совсем-совсем один». Тут отец повернулся и что-то непонятно промычал, Виталик, размазывая по щекам слёзы и сопли, шмыгая носом, стал трясти отца, но толку не добился. «Может он заболел?» – Виталик выбежал на площадку, забарабанил в соседнюю дверь – тишина. Начал стучать в другую, открыла соседка.

– Тётя Клава, тётя Клава, там папа упал, он наверно заболел, нужно скорую помощь вызвать.

Соседка, отодвинув мальчика в сторону, быстро прошла в квартиру. «Иван Сергеевич», – потрясла она за плечо лежащего на полу мужчину. Тот опять что-то промычал. Соседка принялась и покачала головой.

– Не нужно «скорую», пьяный он, спит. Да и не удивительно, такое горе у вас. А ты, Виталий, (она всегда называла его полным именем – Виталий) пойдём, у меня переночуешь, папа твой до утра не проснётся.

– Нет. Я с папой останусь, – Виталик замотал головой, слезы высохли, и он, смущаясь, смотрел на соседку.

– Да как же, ты один, почитай? Страшно будет.

– Нет, я не боюсь. Я останусь, спасибо.

– Ну, смотри, как передумаешь, приходи. – Соседка, оглядываясь, как бы сомневаясь, ушла к себе.

Виталик принёс из комнаты плед и укрыл отца, бормотавшего что-то во сне, сел рядом прямо на пол и стал терпеливо ждать.

Проснулся он в своей постели, снегопад закончился, и в окно светило яркое утреннее солнце. На кухне кто-то гремел посудой, Виталик выпрыгнул из постели и бросился на кухню, встал на пороге. Отец, хмурый и небритый, жарил на сковородке глазунью, он оглянулся, увидел сына.

– Ты чего босиком? Оденься.

Вместо этого Виталик прошёл на кухню и устроился с ногами на табурете, опять молча уставился на отца.

– Почему ты спал рядом со мной? Почему в кровать не лёг?

– Я испугался.

– Чего испугался? Ты давно спишь один в комнате и не боишься.

– Я испугался, что ты тоже умер и я останусь совсем один.

Отец хмуро взглянул на сына и сразу отвернулся.

– Прости, я не хотел тебя пугать.

Виталик промолчал. Отец выключил газ под сковородкой, повернулся и сказал уже мягче: «Со мной всё будет в порядке».

– Она тоже так говорила, она обещала, что всё будет в порядке!

Отец подхватил Виталика на руки, крепко прижал к себе. Виталик обнял отца за шею и не выдержал, расплакался у него на плече.

– Ну, всё, всё, успокойся. – Отец гладил мальчика по голове, слегка покачивал, – я здесь, с тобой, ничего не бойся.

Глава 3

Жизнь Виталика потихоньку входила в спокойное русло: школа, продлёнка, вечера дома с отцом или в одиночестве. Отец уделял ему мало внимания, кормил, давал чистую одежду, изредка интересовался школьными делами. Они почти не разговаривали, иначе все разговоры сводились к тому, что мамы больше нет с ними. В продлёнке всех заставляли делать домашние задания, если бы не это обстоятельство, Виталик, наверное, не делал бы их вовсе. Он не перестал много читать и узнавал новое с большим интересом, но стал совершенно равнодушен к оценкам: «К чему нужны хорошие оценки, если ими некого обрадовать». Учителя в память о Татьяне Васильевне долго давали Виталику поблажки, но это не продлилось вечно, и отличник Виталик Ковальчук постепенно стал троечником.

А потом отец вновь пришёл пьяным. И опять. И опять. Виталик больше не пугался и оставлял отца спать на привычном месте – на полу в коридоре. Он научился готовить себе еду, стирать бельё в стиральной машине, гладить, мыть полы и всему, что нужно для жизни. Отец мог не пить целый месяц, исправно ходить на работу, заниматься обычными делами, но неизменно срывался и оказывался на полу в коридоре собственной квартиры. Пить понемногу он не умел и когда начинал – остановиться не мог. Угасающее в алкогольном тумане сознание, словно автопилот, приводило его к дверям своего дома и, чувствуя себя в безопасности, отключалось. Так могло продолжаться и два дня, и три, и даже целую неделю.

При подобном образе жизни он удивительно долго продержался на прежнем месте работы в автомастерской, но через год не выдержали и там. В другой мастерской он проработал всего три месяца. Больше работу найти не мог. Автолюбители, которые в прежние времена регулярно приглашали его посмотреть машину, стали захаживать много реже. Никому не нравится, если устранение пустяковой поломки может занять неделю. А те, кто не отказался от услуг Ивана Сергеевича, стали часто расплачиваться водкой. С деньгами в семье стало туго.

Сначала Иван Сергеевич продал машину, довольно старенький Фольксваген, но в отличном состоянии. Увы, этого хватило ненадолго. Тогда он обменял квартиру. Другая квартира была не меньше по размеру, но из нового дома в самом центре города им пришлось переехать на окраину. В Заречный микрорайон, на Целинную улицу. Почти сразу за их теперешним домом шла окружная дорога, по которой день и ночь сновали автомобили. Ночью это были в основном надрывно гудящие самосвалы, куда-то везущие песок или гравий от разгружаемых на реке барж. За окружной дорогой начиналось кочковатое поле, некогда принадлежавшее колхозу «Новая заря» и давно превратившееся в пустырь, поросший травой и гигантскими зонтиками борщевика. А за полем у самого горизонта темнела полоска леса, того самого, который в былые времена служил местом частых прогулок счастливого Виталькиного семейства.

Однако Виталика занимала совсем другая проблема. Приближалось первое сентября и в пятый класс ему предстояло пойти в новую школу. Новую, конечно, только для него Виталика Ковальчука, а в самом деле это было старое, ещё довоенной постройки двухэтажное здание с покатой крышей, белыми стенами и старомодным каменным крыльцом. Вид школы оставил Виталика равнодушным. Только вывеска над крыльцом была новая и гордо извещала о том, что здесь находится средняя школа номер шесть. Виталик внимательно изучил объявление на дверях школы. Первого сентября всех учеников приглашали к девяти часам на торжественную линейку, посвящённую дню знаний. Виталик узнал всё, что ему было нужно, огляделся. Справа от здания школы была площадка с турниками, лесенками и двумя вкопанными футбольными воротами без сетки. Несмотря на каникулы, на турниках занимались мальчишки, постарше Виталика, наверное, из шестого или седьмого класса. А у ворот пять человек, его ровесников, увлечённо гоняли мяч.

Виталик и в прежней школе редко принимал участие в общих играх и забавах, он предпочитал уединение с увлекательной книжкой. Живое общение больше пугало и раздражало его, чем радовало. Вот и сейчас он, выяснив всё что хотел, развернулся и уверенно зашагал к дому на Целинной улице. Домой он идёт очень уверенно, а хватит ли его уверенности при встрече с новыми одноклассниками? Виталик слышал, что новичков всегда плохо встречают, но даже если это не так, начнутся расспросы, любопытные взгляды... Он не собирался ничего о себе рассказывать, не собирался ни с кем дружить, не хотел завоёвывать авторитет. Он хотел, чтобы его оставили в покое, забыли о нём. Эх, так вряд ли получится.

Глава 4

От школы до дома было всего три квартала, но они не были столь однообразны, как в привычном, родном центре города. Здесь были и обычные кирпичные пятиэтажки, и старые двухэтажные дома со странными выступающими полукругом окнами, и строительная площадка, обнесённая посеребрившим деревянным забором. Над забором висел плакат с нарисованным красивым домом и сообщением, что сей жилой дом здесь строит СМУ номер два. Виталик поломал голову, кто же такой этот СМУ, но ничего разумного в голову не пришло. Он быстро пошёл вдоль забора, и видимая в узкие щели стройка на скорости складывалась почти в цельную картинку.

Вдруг он резко остановился, не дойдя до конца забора всего двух шагов. Он услышал голоса и, присмотревшись, через щели в заборе увидел, как довольно высокий мальчишка спорит о чём-то с девчонкой, загораживая ей путь. Они стояли в узком проходе между забором и торцом соседней пятиэтажки, а Виталик, скрываясь совсем рядом за углом, размышлял, куда бы ему свернуть, чтобы с ними не встречаться. Стоя так близко, он невольно расслышал весь спор и поморщился. Парень наседал на девчонку, спрашивая с неё деньги, схватив её за локоть. Та упиралась, ссылаясь на отсутствие таковых, и требовала её пропустить, обещала пожаловаться некой неизвестной Виталику Наталье Ивановне, дёргала рукой, но вырваться никак не могла. Виталик оглянулся – улица была пуста. Можно скрыться никем незамеченным, но и девчонке на помощь никто не придёт.

Виталик снова поморщился, он о таких хулиганах только слышал. В старой школе его никогда не трогали и, хотя конфликты и драки между мальчишками и даже между девчонками случались, но такого наглого вымогательства он никогда не видал. И если этот жлоб так нагло себя ведёт, уж Виталика-то он точно не испугается, а кроме испуга, на что можно рассчитывать? Ведь он ни разу не дрался, как это ни смешно звучит для пацана, ученика пятого класса. «Да ничего он ей не сделает, попугает и отпустит, ну, может, мелочь отберёт – не велика беда». Виталик окончательно решил, что это не его дело, и лезть в чужую жизнь не пристало. Он выбрал проход между домами, куда свернёт, и неожиданно для себя сделал два шага вперёд, словно его в спину кто-то толкнул.

Хулиган обернулся и недовольно посмотрел на незваного свидетеля, но руку девочки не выпустил. Он был в пыльной футболке и джинсах, обрезанных до колен, в потрёпанных кедах. Теперь Виталик заметил, что мальчишка был выше его на добрых полголовы и смотрел на него недовольно и без всякого интереса.

– Чего вылупился? Видишь, люди заняты. Вали отсюда!

Мальчишка отвернулся, считая разговор оконченным. Девчонка промолчала. У неё были большие серые глаза, светло-русые волосы, борьба с хулиганом зажгла на её щеках лёгкий румянец. В руке у неё был пластиковый пакет, явно с батоном, должно быть, она возвращалась из супермаркета. «Нужно развернуться и уйти», – подумал Виталик и не сдвинулся с места. Вымогатель недовольно обернулся.

– Ты ещё здесь? Исчезни, я сказал, пока не получил.

– Отпусти её! – внутри у Виталика всё задрожало, в животе сжался комок, и он с трудом удержался и не слотнул. Кажется, придётся драться. О драках он даже знал мало, а личный опыт ограничивался редким наблюдением со стороны. Но он помнил разбитые носы, синяки и слёзы участников. Ввязываться в такое глупое и неприятное дело Виталик никакого желания ни испытывал, и даже боялся, себя можно было не обманывать – очень боялся. Однако теперь уйти он не мог. Удрать теперь, когда его видели и этот хулиган, и девчонка (чтоб ей провалиться, неужели ей нельзя было пойти другой дорогой), было просто невозможно.

– Ты меня достал. – Мальчишка отпустил локоть девочки и направился к застывшему на месте Виталику, тот неумело поднял руки.

– Не трогай его, Спиря!

Оказывается, девчонка не сбежала, хотя теперь была свободна. «Лучше бы она слиняла!» – зло подумал Виталик, тогда можно было бы удрать и мне. Ну, хотя бы попытаться.

Удар Виталик пропустил. Он заметил, как что-то мелькнуло перед глазами, и тут же из них словно искры посыпались. Виталик отшатнулся и получил второй удар в лицо. «Как же больно!» – Виталик закрывал лицо руками и даже не думал об ответном ударе. Но его больше не били. Он отнял руки от лица. Мальчишка стоял перед ним и ухмылялся.

– Ну что, сопля, добавить ещё?

Услыхав про соплю, Виталик почувствовал, что из носа у него течёт, он вытер нос кулаком, на кулаке была кровь. Он с трудом удержался, чтобы не заплакать, ресницы предательски задрожали. Тут вмешалась девчонка, она со всего размаху огрела хулигана пакетом по голове и, оттолкнув его, подошла к Виталику.

– Пошли, тебе надо умыться. А про тебя я всё расскажу, – обернулась она к мальчишке, потиравшему затылок и продолжавшему ухмыляться. Девчонка же, взяв Виталика за руку, потянула за собой, а он был в таком состоянии, что даже и не подумал упираться.

Пройдя дворами, девчонка привела его к колонке, нажала на рычаг, и Виталик смог умыться, смыть кровь с лица и рук. Кровь из носа тут же пошла снова, и он сунул лицо прямо под струю прохладной воды. Стало не так больно, но через минуту боль вернулась, хотя кровь остановилась. Он осторожно потрогал нос, тот распух, и было трудно дышать.

– Это скоро пройдёт, а вот синяк будет большой.

Виталик недовольно посмотрел на девчонку, всё ведь из-за неё. Чего ей ещё надо?

– Меня зовут Юля, – она с ожиданием смотрела на мальчика.

– Виталик, – буркнул Виталик, не глядя на неё, – я пойду.

– Я тебя провожу.

– Вот ещё! – он отшатнулся. – Я что, сам не дойду?

– Ну, как хочешь! – взгляд её серых глаз стал холодным, стальным. – До встречи. – Она развернулась и не оглядываясь пошла прочь.

– До встречи, – растерявшись в который раз за сегодняшний день, пробормотал Виталик.

Он осторожно потрогал разбитый опухший нос, глядя вслед уходящей Юле, отвернулся, злясь на самого себя, и отправился напрямик домой. Дома он прежде всего поспешил к зеркалу. «Да уж, вид ужасный. Нос опух, глаз заплывает – синяк будет». Обычно внешний вид Виталика не интересовал, но через два дня в школу, знакомиться с новым классом, с учителями... После такого знакомства трудно быть тихим и незаметным. Нос, конечно, заживёт, а вот синяк не спрятать.

Теперь сожалеть было поздно, впрочем, он и не сожалел, скорее, был недоволен своими поступками. В конце концов, если дело дошло до драки, можно было хоть попытаться врезать этому Спире, а не стоять, как овца, и смотреть на эту ухмыляющуюся рожу. Хорошо хоть не заплакал. Виталик вспомнил всё и чуть не заплакал, на этот раз от обиды и жалости к себе. Но тут же одёрнул себя: «Прекрати, ты это уже проходил, это ничем не поможет», – и пошёл чистить картошку на ужин.

Глава 5

Когда отец пришёл вечером с работы, картошка уже сварилась, а сосиски лежали в небольшом ковшике, стоявшем на плите, наполненном бурно кипящей водой. Отец сумел устроиться на местный завод, ремонтировал погрузчики и пока работу ни разу не прогулял, чему Виталик был несказанно рад и встречал его вечерами готовым ужином.

– Это что-то новое, – отец повернул сына к свету и разглядывал боевые раны, – уверен, это не чтение довело тебя до такого состояния. Надеюсь, твой противник украшен не менее эффектными наградами?

– Зря надеешься, – хмуро отозвался Виталик, – противник ушёл без повреждений. Садись, ешь.

– Ну, что ж, – хмыкнул Иван Сергеевич, уселся за стол и взял вилку, – не каждый раз можно победить, главное стремиться и не сдаваться.

Он принялся за еду, и Виталик взял и себе тарелку, сел рядом. Некоторое время они ели молча. Они вообще нечасто и мало разговаривали.

– А что было причиной столкновения? И нельзя ли было решить дело миром?

– Да так... конфликт с аборигенами. И я на драку не напрашивался.

– Конфликт с аборигенами – это нехорошо, нам рядом с ними, с аборигенами этими, жить придётся. Да ты вроде не конфликтный совсем, спокойный, даже я удивляюсь, как терпишь.

– Зато среди них попадаются конфликтные субъекты. – Виталик потрогал опухший нос. – Но я надеюсь избегать в будущем встреч с этими субъектами.

– Ну, ну, бегать и прятаться от подобных субъектов тоже не стоит.

– Ага, а выглядеть полным дураком стоит?

– Хм, мы переехали сюда только две недели назад, а уже какие перемены... драка, эмоции. Раньше тебя не очень беспокоило чужое мнение, о том, как ты выглядишь. Или здесь замешана дама?

– Какая ещё дама? – Виталик заметно смутился.

Отец засмеялся и потрепал сына по голове.

– Ничего, дамы любят не только победителей. Когда я познакомился с твоей мамой, мне тоже пришлось драться, и я не могу назвать себя победителем в драке, хотя ему тоже досталось. Однако твоя мама выбрала меня.

Последние слова он произнёс уже очень тихо, потом встал и ушёл в свою комнату и в этот вечер не сказал больше ни слова.

Глава 6

Первого сентября, собираясь утром в школу, Виталик опять провёл непривычно много времени перед зеркалом. Синяк под глазом налился синевой, мнение о новом ученике сложится не в его пользу. Ну, и ладно, их мнение Виталика не интересовало, лишь бы не лезли к нему. Да, приготовленные заранее белая рубашка и отглаженные брюки к такому украшению не подойдут. Надо довершить образ. Он надел джинсы, клетчатую рубашку и кроссовки. Посмотрел на часы – пора.

Только погода радовала его в это утро. Солнце грело совсем по-летнему, на ясном небе ни облачка, все деревья зелёные, и никаких признаков наступающей осени. До школы он шёл по другой дороге, умышленно обходя злополучную стройку. Сегодня и так будет трудный день, незачем осложнять его себе специально. Он добрался до школы на полчаса раньше назначенного срока, как и хотел. До линейки он собирался отыскать классную руководительницу, чтобы не тыкаться ко всем классам с вопросами. Ещё не хватало мельтешить у всех перед глазами, обращать на себя лишнее внимание. Во дворе уже собирался народ. Разодетые, нарядные первоклашки с улыбающимися родителями, с цветами в руках. Девчонки с огромными белыми бантами в волосах. Кругом возбуждённый гомон. Старшеклассников пока было мало, они не спешили на скучную линейку.

Виталик уверенно зашёл в школу.

– Куда собрался? – путь ему преградила худая пожилая тётка в синем халате и платке на голове. Одну руку она упёрла в бок, а второй грозно сжимала швабру.

– Мне в учительскую надо. Я новенький.

– Ноги вытирай, – уборщица сунула ему под ноги швабру с тряпкой.

Виталик тщательно вытер ноги и свернул налево от входа в длинный коридор.

– Куда, ирод, на второй этаж иди и прямо, – услышал он за спиной.

– Спасибо, – он вернулся и пошёл к лестнице, – «Вот сразу и ирод, я же не просто так гуляю, я по делу».

Виталик поднялся на второй этаж по пологой лестнице с неровными стёртыми в середине ступенями, с нарисованной зелёной ковровой дорожкой. Вот и дверь с табличкой «Учительская». Вокруг ни души. Виталик, стараясь не топтать, подошёл к двери, постоял, прислушался. За дверью были слышны голоса. Мальчишка глубоко вздохнул, собрался с мыслями и постучал. Разговор за дверью не прекратился. Виталик постучал ещё раз сильнее и, не дожидаясь ответа, открыл дверь и заглянул внутрь.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, тебе кого? – ответил мужчина с круглым лицом и большими залысинами, одетый в костюм с рубашкой, но без галстука. Кроме него в учительской было ещё две молодые учительницы.

– Я новенький. В пятый бэ, – сказал Виталик. – Мне к кому подойти?

– Хорош новенький, – протянула одна из молодых, явно разглядев синяк на лице мальчика.

– Шрамы украшают мужчину, – весело сказал учитель. У него оказалась очень приятная улыбка, но Виталик не поддался и не улыбнулся в ответ. Стоял и ждал.

– Наталья Ивановна, – крикнул мужчина, полуобернувшись назад, – к Вам боевое пополнение.

При упоминании имени «Наталья Ивановна» у Виталика шевельнулось смутное беспокойство. Где-то он уже слышал это имя совсем недавно, но вспомнить не смог. А вот имидж его уже стал складываться не в нужную сторону – «боевое пополнение». Никакое он не боевое пополнение. Он тихий и спокойный.

– Слышу, слышу. – Из-за шкафа, стоявшего поперёк учительской, торцом к стене, вышла ещё одна учительница, не замеченная Виталиком ранее. Средних лет, с короткой стрижкой, в простых очках в пластмассовой оправе. В руке у неё была расчёска, должно быть за шкафом висело зеркало.

– Меня зовут Виталик Ковальчук, – поспешно сказал мальчик.

– Да, конечно, – она слегка улыбнулась, и на её щеках проступили ямочки, – подожди минутку, я сейчас провожу тебя к классу. – И она вновь скрылась за шкафом. Синяк она, конечно, заметила, но пока ничего не сказала.

– Боевое пополнение, – вновь обратил на себя внимание учитель – мужчина, – а Вы знаете, молодой человек, что Ваша фамилия происходит от слова «коваль», то есть кузнец. Был, значит, среди Ваших предков кузнец. А кузнец в любом селе был первый человек. Без него ни лошадь подковать, ни меч справить, да и бойцами они не последними были, так как были люди силы изрядной.

Виталик только плечами пожал, если бы это он был силы изрядной, а то неизвестный ему предок в стародавние времена. Но мужчина, кажется, и не ждал ответа, а тут и Наталья Ивановна собралась. Они вышли из школы. На площадке перед зданием классы уже начали выстраиваться в шеренги под руководством невысокой женщины с темно рыжими волосами и острым носом. Её слушались беспрекословно. И Виталик безошибочно угадал в ней директора школы.

Наталья Ивановна уверенно направилась к группе ребят стоявшей вдалеке, и у Виталика в животе сжался комок от нехорошего предчувствия. Он сразу узнал свою новую знакомую Юлю, весело болтавшую с девчонками. А вот и он... Немного отдельно, но рядом с классом стоял Спирия и с ним ещё двое мальчишек. Настроение у Виталика резко ухудшилось. Спирия пока стоял спиной к нему, но так ведь не будет продолжаться вечно.

– Здравствуйте, ребята.

– Здравствуйте! Здравствуйте, Наталья Ивановна, – радостно загомонили ученики.

– Знакомьтесь, это Виталик Ковальчук, он будет учиться в нашем классе. Вы ему пока всё расскажите, я сейчас вернусь. – И Наталья Ивановна поспешила навстречу директрисе.

– Ко-валь-чук! – нарочно растягивая гласные, противно сказал Спирия. – Ну, надо же.

– Между прочим, – вдруг неожиданно для самого себя сказал Виталик (неожиданные поступки рядом со Спирией становились плохой традицией), – фамилия Ковальчук происходит от слова «коваль», что значит кузнец. А ты отчего Спирией прозываешься? Спёр что-нибудь?

Все засмеялись. Спирия перестал улыбаться и шагнул навстречу Виталику, но его остановил за руку один из товарищей, кивнув на разговаривавших в пяти метрах от них директрису и классную руководительницу. Спирия остановился и снова ехидно заулыбался.

– Какой из тебя кузнец – коваль, из такого дохлика?! Ты не Ковальчук, а просто Чук. Весь класс снова засмеялся. Виталик равнодушно пожал плечами: «Ну, Чук и Чук. Да хоть Чук, хоть Гек, ему всё равно, лишь бы не лезли».

С того самого дня все ребята в классе, а за ними и в школе, звали его Чуком, все кроме Юльки Лебедевой, которая упорно называла его Виталиком. Он и сам привык и отзывался на это прозвище охотнее, чем на имя. И даже сам себе он иногда говорил: «Ты, Чук, сегодня молодец», или: «Ты, Чук, что-то оплошал».

Но это было уже позже, а пока школьная линейка прошла без происшествий. Всё как обычно, что в этой школе, что в старой. Привычно и скучно. Но Виталик с опаской ожидал её окончания, наверняка Спирия не простит его дерзкого выступления. И кто его за язык тянул? Ради чего, спрашивается, нарывался? Новичков нигде и никогда не встречают дружелюбно, а тут – открытое противостояние. Но после окончания линейки, Наталья Ивановна позвала Виталика за собой. В пустом классе с не выветрившимся запахом краски она села за учительский стол, а Чук за первую парту. Разговор был недолгим. Несколько простых вопросов о преж-

ней школе, об учёбе, о том, какие предметы он любит больше всего. Чук отвечал неохотно, но честно. Наталья Ивановна ему, скорее, понравилась, но откровенничать он не любил.

– Хорошо, Виталик, ты можешь идти. Увидимся завтра. Уроки у нас начинаются в восемь часов, но в класс лучше прийти пораньше.

Виталик, почти дошёл до двери, когда она его окликнула.

– А, скажи, если не секрет, откуда у тебя синяк?

– Вообще-то секрет, – сразу заскучал Чук.

– Ну, что ж... – она едва заметно улыбнулась, – у каждого могут быть секреты. – Да, чуть не забыла, сегодня я тебе ничего не сказала, поскольку, ты у нас впервые, но у нас в школу нельзя ходить в джинсах. У нас такие правила.

– Хорошо, – Чук кивнул, – я понял. До свидания.

– До свидания, Виталик.

Когда Чук вышел из школы, возле крыльца уже не было ни души. Чук огляделся, но не заметил ни Спири, ни его друзей, да и вовсе никого. А чего ж удивляться? Первый школьный день закончился, заданий на дом ещё нет. Считай, последний день каникул, и весь школьный народ разбежался догуливать – разве ж каникул может хватить, чтобы нагуляться и больше не хотелось. Чук не хотел нарываться, но почему-то не хотел и уступать. Странное чувство. Секунду поколебавшись, он отправился домой по известной дороге мимо стройки. К своему удивлению, Чук по пути Спирию не встретил. То ли у того были в тот день другие дела, то ли он не ждал, от Чука такой наглости, не верил, что Чук выберет именно это направление. Уж, конечно, искать Спирию нарочно Чук не стал. Ему хватило той маленькой победы, что он, испугавшись, выбрал самый короткий и самый опасный путь.

Со Спирей (в реальности Колей Спириным) было ещё много стычек, и Чук неизменно приходил битый, но никогда не плакал и хулигану не уступал. А потом как-то на уроках физкультуры он незаметно для себя приистрастился к игре в футбол. Его всегда ставили на ворота, и он отчаянно и без страха кидался на мяч. Его стали приглашать поиграть и после уроков, и Чук сначала нехотя, не желая портить отношения с одноклассниками, а затем со все большей охотой защищал ворота своей команды. С тех пор конфликты со Спирей закончились. Нет, Спирия не сильно интересовался дворовым футболом и не ценил Чуков вратарский талант. Зато ценили другие ребята, в том числе из классов постарше, и Спире непрозрачно намекнули, чтобы он оставил Чука в покое.

Он и оставил. Почти. То есть драк больше не было, но словесные нападки, толчки и даже тычки на переменах случались часто. Чук не обращал на них особого внимания. Это и в самом деле почти не досаждало мальчишке и не делало его жизнь хуже. У него хватало и реальных проблем. Отец всё чаще приходил домой пьяный. На работе у него начались неприятности. И вот сегодня – последняя капля. Сегодняшнее падение в лужу превысило все пределы Чукова терпения. Такого позора даже Чук не вынесет. Завтра в школу, в свой теперь уже седьмой бэ, он не пойдёт. Ни за что!

Глава 7

Чук знал, что там за стеной подвала осеннее солнце сейчас медленно опускалось за чёрную полосу леса у самого горизонта. Он ясно представлял, как красный горб закатного солнца ещё давал достаточно света. Но в крошечное подвальное окно проникал уже лучик толщиной лишь со спицу. Ещё несколько секунд и он исчезнет. Чук подумал о том, что пора зажечь свечку, чтобы не остаться в кромешной темноте. Свечку и спички он давно припрятал в том самом ящике, на котором обычно и сидел, проводя одинокое время в подвале за грустными мыслями. Чук даже потянулся за свечкой, но вдруг передумал, протянул руку и подставил палец под тоненький лучик солнца.

– Ай! – вскрикнул Чук. Палец больно кольнуло, и Чук, быстро сунув его в рот, почувствовал кровь. – Что это было? – от неожиданности он заговорил вслух.

– Ой! – раздалось в темноте.

Чук дёрнулся назад, свалился на пол, опрокинув ящик из-под помидоров. Лучик солнца погас, и в подвале настала непроглядная тьма. Чук точно знал, что, когда он пришёл, здесь не было ни души. Даже кот Яшка сбежал, а спрятаться здесь негде. Да ведь и не кот же сказал: «Ой». Дверь он за собой прикрыл, а бесшумно эту перекошенную дверь не откроешь. Однако своим ушам он тоже верил.

– Эй? Кто здесь? – голос был довольно высокий, но во тьме звучал приглушённо.

Чук, молча, дрожащими руками, стал нащупывать спички и свечку внутри валявшегося на полу ящика. Отвечать он не собирался.

– Ау! Есть кто-нибудь? – голос дрогнул.

Чук, наконец, нащупал спички. Свеча куда-то закатилась, ну и пусть. И тут Чук сообразил, что, зажёгши спичку, он тут же себя выдаст. В полной темноте его будет отлично видно с горящей спичкой в руках, а вот другого, неизвестного, сразу разглядеть не удастся. Впрочем, первый страх прошёл. Чук на четвереньках попятился к двери. А перед собой услышал осторожные шаги.

– Ой! – Тот в темноте пошёл в сторону Чука и споткнулся о ящик. Раздался вскрик.

Чук поспешно чиркнул спичкой и разглядел мальчишку, присевшего на полу и потиравшего ушибленное колено. Увидав Чука, мальчишка быстро вытер кулаками обе щеки.

– Не убегай.

– Я не убегаю, – Чук совсем перестал бояться. Но по-прежнему не понимал, откуда взялся этот мальчишка. Тут спичка обожгла пальцы, и Чук, отбросив её, схватился за мочку уха. Так его учила мама, чтобы не болело, если обожжёшься. Через три секунды Чук зажёг новую спичку. Парень был на том же месте и не двигался.

– Там где-то должна валяться свечка. Посмотри.

Мальчишка закурился на месте, обшаривая пол. На этот раз Чук выбросил догорающую спичку вовремя. И сразу зажёг следующую.

– Вот она! Нашёл! – мальчишка протянул Чуку огарок фитильком вверх.

Чук шагнул навстречу и поднёс огонь. Но фитиль стрельнул искоркой и погас. Пока Чук доставал из короба следующую спичку, на него опять волной накатил страх. Он стоял рядом с этим неизвестно как появившимся мальчиком в полной темноте. Когда новый огонёк разогнал тьму, рука Чука мелко подрагивала. К счастью, свечка не стала больше показывать свой скверный характер и запылала ровным высоким пламенем.

Мальчишки уставились друг на друга. На щеке незнакомца под размазанной грязью Чук разглядел тоненькую поблёскивающую дорожку слезы и смутился. И за мальчишку, и за свой недавний испуг.

– Сильно стукнулся?

– Нет, не очень, – мальчишка нагнулся, рассматривая колено. Кожа была слегка содрана, и выступили капли крови. – Это я за ящик зацепился.

– Надо бы йодом помазать.

– Не! Не надо. Само подсохнет.

В голосе незнакомца проступил неожиданный испуг, и Чук невольно засмеялся. И тут же одёрнул себя – ещё обидится. Но мальчишка тоже весело улыбнулся. Он был чуть пониже Чука, наверное, и помладше, худенький, белобрысый с короткой стрижкой. Одет он был совершенно не по погоде: светлая футболка с нарисованным слева маленьким штурвалом и простые тёмно-синие шорты, а на босу ногу надеты старые сандалии. «Вот и ободрал голую коленку», – подумал Чук. И тут Чук сообразил, что осень, залившая весь двор лужами, уже настолько вступила в свои права, что гулять вечером в шортах и майке может только отчаянный псих. Чук с новым удивлением уставился на незнакомца.

– Ярик. – Мальчишка протянул руку.

– Чего? – вздрогнул, задумавшийся о своём Чук.

– Ярик. Меня так зовут. Точнее, меня зовут Яромир, но все называют просто – Ярик.

– А... – Чук спохватился и пожал Ярику руку. – Чук. Ну, меня тоже так все называют.

Ты лучше скажи, как ты здесь очутился?

– Я не совсем уверен, – Ярик пожал плечами. – Должно быть, мой эксперимент удался.

– Какой ещё эксперимент? Я спрашиваю, как ты в подвал-то пролез? Я здесь все ходы знаю.

– Так я же и говорю, машина моя сработала, и я ррраз... и прямо здесь. А здесь темнотища и вот... ящик, – Ярик растянул пальцами кожу на коленке, рассматривая ссадину, и поморщился.

– Да при чём тут ящик?! – начал терять терпение и повысил голос Чук. – Ты же не в эту вот дверь вошёл, а других проходов здесь нет и не было никогда. А в окно кот и тот с трудом пролезает.

На мерцающий свет свечи, на голоса, явился кот Яшка. Как будто услышал: о нем говорят. Протиснулся в щель у двери, покрутил усатой мордой, принюхался. Увидел незнакомого мальчика, сверкнул глазами и скрылся за дверью.

– Ты не сердись, – примирительно сказал Яромир, – я не знаю, как лучше объяснить. Вот ты про отражённые пространства слышал? Про параллельные миры? Про скрытые места?

– Ну, про параллельные миры читал.

– Ну, вот! – голос его наполнился грустью. Он вздрогнул и обхватил себя за плечи.

– Ничего не понял. Что «вот»? – уже спокойнее сказал Чук. Он решительно снял куртку, оставшись в тонком свитере, и накинул её на плечи Ярика.

– Спасибо, – Ярик не стал отказываться и поплотнее запахнул куртку. – Я как раз из такого мира, из параллельного. К вам сюда. И... оказался прямо здесь. Ты уж извини, я не хотел помешать. – Ярик посмотрел прямо на Чука.

У Яромира были большие серые глаза, слегка вздёрнутый нос, лицо в свете свечи казалось особенно бледным. Он непривычно, едва уловимо, растягивал гласные, отчего слова звучали мягче обычного. «Хороший парень, – решил Чук, доверявший своему чутью. – И вежливый, даже слишком». А про параллельный мир врёт, конечно. Наверно, из дома сбежал, а рассказывать не хочет. Впрочем, это его право. Чук сам был очень самостоятельным и принуждения не терпел.

Ярик, даже укрытый курткой, начал мелко дрожать, ноги покрылись пупырышками «гусиной кожи». «Ещё бы, уже вечер. Градусов пять всего на улице-то, – подумал Чук, – и чего теперь делать с ним?» О том, чтобы оставить Ярика здесь, Чук даже не помышлял. К утру он до смерти замёрзнет. А дома отец пьяный. Наверное, в коридоре валяется.

– Не хочешь, не говори, – сказал Чук. – Я, вообще-то, домой только ночью собирался... только до ночи ты здесь околеешь. Так что, пойдём ко мне. – И спохватившись, быстро добавил, – если хочешь, конечно.

– А можно? – с надеждой спросил Ярик. – Ой, нет. Твои родители будут ругаться.

– Не будут. Точно! – грустно усмехнулся Чук. – Главное, чтобы ты не боялся.

– Я с тобой не боюсь, – сказал Ярик и смутился, кажется, даже покраснел.

Чуку вдруг стало так хорошо, тепло на душе от этих невольно сказанных слов. Он тоже смущённо отвернулся. И сразу он испугался: за себя он привык отвечать сам и заботиться о себе, а вот о других заботиться не приходилось. Справится ли? Если себе сделал что не так, то сам и виноват, а другому... тут ответственность. У Ярика от холода даже колени уже начали подрагивать, и Чук отбросил все сомнения. Будет ещё время подумать. Сейчас надо решить ту проблему, которая уже перед тобой. Чук решительно направился к двери и, потянув из всех сил, приоткрыл неширокий проход.

– Давай за мной. Только быстро, бегом. Да, и осторожнее, в лужи смотри не залезь, вода холодная.

– Ладно. – Ярик переступал с ноги на ногу, пытаясь согреться.

Чук дунул на свечку, стало совсем темно. Только фитиль ещё светился тусклой красной точкой. Запахло парафином.

– Иди сюда, – почему-то шёпотом сказал Чук, и почувствовал, как его ухватили за рукав, – давай руку.

Чук взял Ярика за руку (пальцы у того оказались совсем холодные) и повёл его по тёмному коридору. Повернули. Сразу впереди появился дверной проём, лишь немного светлей, чем темнота в коридоре. Чук первым выглянул на улицу. Сумерки, и небо, ещё недавно чистое, быстро затягивало тучами, отчего становилось только темней. Начинался мелкий моросящий дождик. Чук отпустил руку Ярика и, призывно махнув рукой, побежал вдоль дома под прикрытием почти голых кустов сирени. Он не оглядывался, но слышал неотступное шлёпанье сандалий за спиной. Дождь, противный и холодный, сослужил службу – разогнал всех со двора. И хорошо. Так спокойнее. Если б не Яромир, Чук и вовсе до поздней ночи не высунулся бы во двор. Не хотел никого видеть – начнут обсуждать, сочувствовать, или того хуже хихикать в спину. Но дождь помог. Помог...

Помог, да не совсем! Вон девчонки в подъезде напротив прячутся. Всё сплетничают, расстаться не могут. Чук заметил их, но не остановился и не сбавил бег. Может, удастся проскочить быстро, они не увидят. Только вбежав в свой подъезд, пропустив Ярика вперёд себя, махнув ему рукой, мол, поднимайся по лестнице, Чук осторожно выглянул. Юлька Лебедева смотрела в его сторону. Недолго. Отвернулась и продолжила болтать с подружками. Не заметила! Вот и отлично.

Яромир терпеливо ждал, поднявшись на первый пролёт. Чук ещё раз осторожно выглянул во двор и прыжками через несколько ступенек очутился возле мальчишки.

– Пятый этаж, только не шуми, – опять шёпотом проинструктировал Чук.

Ярик кивнул и стал молча подниматься. Чук за ним. Мальчишка перестал трястись, видимо, немного согрелся от короткой пробежки. Куртка Чука была ему великовата и висела мешком, из-под которого торчали две худые со следами старых царапин ноги в мокрых сандаликах (всё-таки, нашёл свою лужу). На четвёртом этаже Ярик не выдержал молчания.

– А от кого мы прячемся? – спросил он таким же шёпотом.

– Да мы не прячемся. Просто не хочу ни с кем встречаться.

– А... – понимающе протянул Ярик, – достают, да?

– Нет, не достают, – подумав, ответил Чук, – просто я люблю быть один.

У края площадки пятого этажа Чук обогнал Яромира, достал ключ и стал открывать дверь с блестящим желтоватым металлом номером 27. Заглянул внутрь – отца в коридоре не было. Возникло странное чувство: одновременно и облегчение, и беспокойство.

– Заходи, – Чук распахнул дверь и сам вошёл первый.

– А я тебе не помешаю? – гость топтался на пороге. – Ну, ты сказал, что любишь...

– Да, заходи уже, – Чук ухватил его за куртку и втянул внутрь квартиры, – ты не помешаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.